

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНТОВ УФЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИР И ТАТАР)

Проанализированы общие тенденции отношения татарских и башкирских студентов Уфы к исламу. В основу статьи легли данные анкетирования, публикации религиоведческого плана. Автор считает, что студенты демонстрируют высокий уровень первичной религиозности, основой для которой служит особая роль ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов. Кроме того, предполагается, что религиозность башкирских студентов несколько выше, чем у татарских.

Ключевые слова: религиозность; студенты; башкиры; татары; ислам.

Исследование религиозности студентов является одним из ключевых направлений современной социологии общества и культуры. Во многом данное обстоятельство объясняется активной личностной, духовной и социальной позицией студентов, определяющей их специфическое отношение к религии. Многочисленные публикации, посвящённые данной проблеме, констатируют, что «религия не занимает центральных позиций в системе самоидентификации студенческой молодежи» [1. С. 79]. Отмечается также, что студентов, считающих себя верующими, оказывается меньше, чем тех, кто относит себя к той или иной конфессии [2. С. 65]. Действительно, религиозность студенческой молодежи России, да и всего населения в целом находится в стадии становления, развития и изменения.

Надо сказать, что среди авторов статей, изучающих вопрос религиозности студентов, как правило, нет единства в выборе методологии проводимых исследований, что имеет под собой ряд объективных причин. Во-первых, студенты принадлежат разным конфессиональным и этническим группам, отчего попытка разработать некий универсальный «опросник», подходящий для оценки уровня религиозности мусульманина и православного, может привести к дискредитации специфики данных религий, сведению исследования к достаточно стандартным вопросам о вере в Бога и в человеческую душу и к частичной утрате критериев религиозности представителей соответствующей религиозной общности. Например, может быть не учтено, что молитва в исламе – это не только намаз, но также *дуа* и *тляк* – мольбы, просьбы, которые произносятся не на арабском языке.

Во-вторых, в среде социологов религии существуют некоторые разночтения в толковании понятия религиозности. Например, часть социологов понимает под религиозностью уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре [3. С. 106], что, на наш взгляд, можно считать оправданным, так как, с одной стороны, степень интеграции личности в ту или иную религию может быть разной, с другой стороны, религия не существует автономно от общества, и человек может соотносить себя с религиозным поведением, при этом не являясь практикующим православным и мусульманином. Большую популярность среди исследователей при определении «православности» респондентов приобрело выделение стадий воцерковления [4. С. 84]. Как справедливо отмечает в

этой связи Ю.Ю. Синелина, «люди, декларирующие “православие”, действительно являются православными, но находятся на разных стадиях воцерковления» [5. С. 78]. В известной степени этот подход применим и к народам, традиционно исповедующим ислам: очевидно, что «исламизация» верующего не завершается произнесением «шаады» (утверждение о единобожии) и сильно разнится у этнических, номинальных, «начинающих» и реальных мусульман. Не менее распространена «классическая» концепция определения религиозности, согласно которой важно учитывать не столько конфессиональную самоидентификацию, сколько соответствие религиозного сознания и религиозного поведения [2. С. 59].

В данной работе под религиозностью мы понимаем систему взглядов, убеждений и мнений, лежащих в основе мировоззрения, основанных на вере в существование Бога или богов, т.е. той или иной разновидности сверхъестественного, а также соответствующего поведения и специфических действий (культы). Вслед за К.С. Фроловой и А.С. Орловой в качестве критериев религиозности принимаем: 1) самоидентификацию респондентов (верующий – колеблющийся – неверующий); 2) религиозное поведение (посещение храмов, чтение религиозной литературы, исполнение основных обрядов и др.); 3) определенный круг мировоззренческих представлений, характерных для данного вероисповедания или группы вероисповеданий (вера в Бога, вера в душу и др.) [6. С. 107].

Итак, наше исследование направлено на анализ религиозности студентов г. Уфы (на примере татар и башкир) по данным анкетирования. Выбор территориальных рамок не случаен: в Уфе – столице многонациональной Башкирии – наблюдается приближительное равенство по численности народов, традиционно исповедующих ислам и православие. Удельный вес русских, украинцев, татар и башкир составляет соответственно 48,9; 1,2; 28,3 и 17,1%¹. С другой стороны, единство татар и башкир в рамках общей исламской конфессии базируется не на самом прочном «фундаменте» в виде этнокультурных, лингвистических, этнополитических и исторических различий этих двух тюркских этносов. Думается, что при схожести генеральных процессов, происходящих в русле исламского ренессанса, татары и башкиры, тем не менее, несколько отличаются в отношении к традиционной религии, что также является предметом наших научных изысканий.

Эмпирической базой исследования послужило проведённое в октябре 2013 г. в г. Уфе анкетирование 190 студентов (91 башкир, 86 татар, 13 не определившихся со своей этнической идентичностью). Отбор респондентов проводился методом «снежного кома». Большинство опрошенных – 63 башкира (69,2%) и 42 татарина (48,8%) – называют себя верующими. Это в целом ожидаемые показатели, если сравнивать с исследованиями в смешанных по конфессиональному признаку студенческих группах, где доля верующих составляет до 47,6% [2. С. 60]. Однако по сравнению с религиозной идентификацией карачаевцев – тюрко-исламского народа Северо-Западного Кавказа, среди которых верующими себя назвали 91,6% [7], эти цифры покажутся ощутимо более скромными, что лишь раз подтверждает мысль о неравномерности религиозного ренессанса на территории страны. Можно также предположить, что религиозность татар и башкир, в большей степени, чем у карачаевцев, нивелирована религиозностью соседних православных этносов, тесные культурные и бытовые контакты с которыми в пределах мозаичного и высокоурбанизированного Урало-Поволжья не идут ни в какое сравнение с аналогичными процессами на Северном Кавказе.

Среди башкир колеблющихся насчитывается 16 человек (17,6%), неверующих – 8 респондентов (8,8%), 2 человека не дали ответа (2,2%), 1 студент ответил, что когда нужно успокоиться, просит у Аллаха помощи, 1 человек назвал себя верующим, но не фанатично. Среди татар колеблющихся насчитывается 30 человек (34,9%), неверующих – 10 (11,6%), 1 респондент назвал себя агностиком и колеблющимся, 1 студент сказал, что верит в себя, 2 человека не дали ответа. Анализ этих данных показывает, что студенты, которые относят себя к категории верующих, тем не менее, не отрицают религиозного и шире – духовного поиска, для молодых людей в основной своей массе важно определиться со своим отношением к трансцендентному. Состояние мировоззренческой неопределённости [1. С. 79] студентов Уфы – это, на наш взгляд, также результат влияния мультикультурной и в то же время транснациональной среды города-миллионера, где вера уже не только наследуется по традиции, от родителей к детям, но и проходит испытание интеллектом, опытом, общением и самой жизнью студенческой молодёжи.

Конфессиональная идентичность татарских и башкирских студентов ещё более значительна: к мусульманам относят себя 84 башкира (92,3%) и 67 татар (77,9%). Подобная разница между конфессиональной и религиозной идентичностью объясняется особой ролью ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов. Мусульманство порой настолько тесно переплелось с этническим самосознанием, что переход татарина и башкира в иную религию мыслится как предательство ценностей всего народа в целом. Вероятно, по этой же причине на вопрос о роли, которую играет религия в жизни современного российского общества, 66,7% мусульман

ответили, что она «сохраняет национальные традиции и культуру» (у православных только 9,9%) [2. С. 64].

Верят в Аллаха 79 опрошенных башкир (86,8%) и 61 татарин (70,9%). Среди башкир 8 опрошенных не верят в Аллаха (8,8%), 1 человек сказал, что верит в Бога, он един, 1 респондент ответил, что верит в существование какой-то высшей силы, но не определил для себя, Бог это или Аллах, 1 студент сказал, что «верит 50/50». Интересно, что число утвердительных ответов о вере в Аллаха, ад и рай и у татар, и у башкир оказалось больше, чем количество верующих, но меньше, чем мусульман. По всей видимости, вера в Аллаха выступает у опрошенных как эмоциональное состояние и проявляется ситуационно, например, во время трагических событий жизни, в то время как категория «верующий» мыслится респондентами в качестве более осознанного выбора в пользу соблюдения практик и догматов ислама. Многочисленность же мусульман по сравнению с верующими в Аллаха объясняется вышеназванной ролью ислама как этно-маркирующего фактора.

46 опрошенных башкирских студентов (50,5%) и 54 опрошенных татарских студента (62,8%) отмечают главные праздники ислама – Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так это принято в *народе*, 27 башкир (26,7%) и 9 татар (10,5%) считают эти праздники *священными*, 14 студентов башкирской национальности (15,4%) и 20 татарской (23,3%) их не празднуют, относятся к ним безразлично. В данных ответах, помимо того, что вновь отразилась прочная связь ислама с этнической идентичностью, заметна и некоторая дифференциация студентов по отношению к главным мусульманским праздникам. В частности, проявилась тенденция к восприятию Курбан-Байрама и Ураза-Байрама как священных или сугубо религиозных событий. Такая переоценка не только сигнал, хотя и косвенный, об усилении позиций религии в обществе, но и факт разных отношений студенческой молодёжи к исламским практикам и обрядам. Несмотря на то что большинство студентов по-прежнему воспринимают ислам как одну из форм национальной традиции, часть готова оценивать его как самостоятельную духовную сферу, для приобщения к которой следует прикладывать дополнительные усилия, а не довольствоваться лишь внешними атрибутами. Например, иногда соблюдает пост во время месяца Рамазан, предшествующий празднику Ураза-Байрам, сравнительно небольшая часть респондентов: 20 башкир (22%) и 10 татар (11,6%). Посещает мечеть на мусульманские праздники и по пятницам также малая часть опрошенных – от 3,5 до 29,7% (таблица). Однако гораздо более многочисленна группа студентов, которые, при внешней приверженности исламской конфессии и отчасти религиозности, почти не практикуют мусульманские обряды. Например, совсем не молятся 52,7% башкир и 57% татар, не читают Коран и исламскую литературу 64,8% башкир и 83,7% татар.

Религиозные убеждения, представления и обряды башкирских и татарских студентов Уфы, % от опрошенных

Религиозные убеждения, представления и обряды	Башкиры, чел.	Башкиры, %	Татары, чел.	Татары, %	Разница между ответами, %
Верующие	63	69,2	42	48,8	20,4
Коллеблющиеся	16	17,6	30	34,9	17,3
Неверующие	8	8,8	10	11,6	2,8
Верят в Аллаха	79	86,8	61	70,9	15,9
Отмечают Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, считая эти праздники священными	27	26,7	9	10,5	16,2
Празднуют Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, так как это принято в семье и народе	46	50,5	54	62,8	12,3
Не празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам	14	15,4	20	23,3	7,9
Иногда соблюдают пост во время месяца Рамазан	20	22	10	11,6	10,4
Верят в ад и рай	75	82,4	60	69,8	12,6
Посещают мечеть на Ураза-Байрам, Курбан-Байрам	27	29,7	13	15,1	14,6
Посещают мечеть по пятницам	8	8,8	3	3,5	5,3
Молятся каждый день, но не совершают намаз	29	31,9	24	27,9	4
Не молятся	48	52,7	49	57	4,3
Читают исламскую литературу и Коран	32	35,2	13	15,1	20,1
Относят себя к мусульманам	84	92,3	67	77,9	14,4

Проводя сравнительный анализ ответов башкир и татар, отметим, что по всем критериям (самоидентификация, религиозное поведение, представления) религиозность первых оказалась несколько выше. Конечно, немногочисленность выборки не даёт нам возможности делать однозначные выводы, но попытка наметить некоторые тенденции в специфике исламского ренессанса у изучаемых этносов, исходя из полученных результатов, нам кажется уместной. Отметим, что, наибольшие различия в ответах татар и башкир отмечены при религиозной самоидентификации. Думается, что данный факт имеет как минимум два объяснения. Одно из них историческое: башкиры в меньшей степени испытали на себе влияние деятельности православной миссии царской и имперской России, в связи с чем башкирский этнос практически не знает конфессиональной дезинтеграции, которая известна среди татар, в том числе в форме особой этноконфессиональной группы кряшен. Другое – этнополитическое. Формирование башкирской государственности, особенно в постсоветский период, требовало, помимо прочего, создания автономного духовного управления мусульман, где башкиры играли бы более весомую роль, чем это наблюдалось в Духовном управлении мусульман европейской части России. Политически это проявилось в создании Духовного управления мусульман Республики Башкирия, где ведущие позиции заняли башкиры, а этнокультурно вылилось в повышенный интерес башкирской молодёжи к исламу. Это объясняет, в частности, то,

что башкирские студенты гораздо больше, чем татары, читают Коран и исламскую литературу, т.е. проявляют положительную установку к познанию исламских догматов. В сфере обрядовой практики (совершение молитвы, посещение мечети) разница между ответами татар и башкир не настолько значительна и находится фактически в пределах статистической погрешности.

Подводя итог проведённым социологическим исследованиям, сформулируем несколько выводов:

1. Студенты татарской и башкирской национальностей демонстрируют высокий уровень первичной, во многом внешней, религиозности, основой для которой служит особая роль ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов.

2. Среди опрошенных студентов выделяется несколько групп по отношению к исламской религиозной практике: большинство респондентов придерживаются мусульманских обрядов, отдавая тем самым дань традиции, но не стремясь при этом к более глубокому познанию ислама; значительно меньшая часть студентов проявляет более устойчивый интерес к исламу, пытаясь соблюдать часть обрядов по причине их религиозной, а не этнической значимости; наконец, есть студенты, которые не причисляют себя к верующим и не относят себя к мусульманам.

3. Религиозность башкирских студентов несколько выше, чем татарских, что объясняется в том числе разной ролью этих народов в строительстве башкирской государственности уже в Новейшее время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources (дата обращения: 1.04.2015).

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова Н.П. Религия в системе самоидентификации студенческой молодёжи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2007 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 75–79.

2. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
3. Павлов Б.С. К вопросу о религиозности уральских студентов // Известия ВолгГТУ. 2014. Т 19, № 24 (151). С. 104–109.
4. Вовченко В.А. К вопросу определения уровня, степени и характера религиозности православного населения России (на основе опроса студентов вузов г. Орла) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2008. № 3. С. 84–87.
5. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 78–88.
6. Фролова К.С., Орлова А.В. Религиозность в студенческой среде (на примере КемГУ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. С. 106–110.
7. Идиатуллин А.К. Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 мая 2015 г.

RELIGIOSITY OF THE UFA CITY'S STUDENT (ON THE EXAMPLE OF BASHKIRS AND TATARS)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 63–66. DOI: 10.17223/15617793/399/11

Idiatullov Azat K. Ulyanovsk State Pedagogical University n.a. I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

Keywords: religiosity; student; Bashkirs; Tatars; Islam.

The author considers that research of students' religiosity is one of the key directions in the modern sociology of society. However, for a number of reasons among scientists there is no common opinion on the methodology. First, students belong to different confessional and ethnic groups. Second, among sociologists there are distinctions in the interpretation of the religiosity concept. In the article, religiosity is understood as a system of opinions, beliefs, actions based on the belief in the existence of God. The purpose of the article is the research of religiosity of Ufa' students (on the example of Tatars and Bashkirs). In Ufa, the number of people who traditionally practice Islam and Orthodoxy is approximately the same. The national representation of Russians, Ukrainians, Tatars and Bashkirs is 48.9, 1.2, 28.3 and 17.1 percent respectively. It is thought that Tatars and Bashkirs differ in the attitude to the traditional religion, which is also the purpose of the author's research. The basis of the article was questionnaire data and publications on the topic of religion. The general tendencies of the attitude of the Tatar and Bashkir students of Ufa to Islam are analysed in the article. Most respondents – 63 Bashkirs (69.2 %) and 42 Tatars (48.8 %) – call themselves believers. Students who didn't refer themselves to the category of believers do not deny spiritual search. For young people it is important to decide on their attitude to religion. Confessional identity of students is even more considerable. The difference between confessional and religious identities is explained by the special role of Islam in preservation of national identity of the studied people. Islam is sometimes so closely intertwined with ethnic consciousness that change of religion of Tatars and Bashkirs is considered as treachery of values of all the people in general. 46 Bashkir students (50.5 %) and 54 Tatar students (62.8 %) celebrate the main holidays of Islam, Eid al-Adha and Eid al-Fitr, which is traditional for the people. The group of students that claim to adhere to Islamic faith yet do not practice Muslim ceremonies is very numerous. For example, 52.7 % of Bashkirs and 57 % of Tatars do not pray at all; 64.8 % of Bashkirs and 83.7 % of Tatars do not read the Koran and Islamic literature. The author considers that Bashkirs' religiosity is higher than that of Tatars. In general, the author comes to the following conclusions: 1. Students show a high level of primary religiosity a basis for which is the special role of Islam in preservation of national specifics of the studied people. 2. Some groups with different attitudes to Islamic religious practice are distinguished from the interrogated students. 3. Most respondents adhere to Muslim ceremonies, yet do not aspire to deeper knowledge of Islam. 4. Religiousness of the Bashkir students is slightly higher, than the Tatar ones, which is explained by the different role of these people in construction of the Bashkir statehood in the modern time.

REFERENCES

1. Mironova, N.P. (2009) *Religiya v sisteme samoidentifikatsii studencheskoy molodezhi Respubliki Komi (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy 2007 g.)* [Religion in the identity of students of the Republic of Komi (based on sociological surveys of 2007)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 92. pp. 75–79.
2. Grachevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5 (73). pp. 57–68. (In Russian).
3. Pavlov, B.S. (2014) K voprosu o religioznosti ural'skikh studentov [On the religiosity of the Ural students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Izvestia VSTU*. 19:24 (151). pp. 104–109.
4. Vovchenko, V.A. (2008) K voprosu opredeleniya urovnya, stepeni i kharaktera religioznosti pravoslavnogo naseleniya Rossii (na osnove oprosa studentov vuzov g. Orla) [On determining the level, extent and nature of the religiosity of the Orthodox population of Russia (based on a survey of university students of Orel)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 84–87.
5. Sinelina, Yu.Yu. (2009) Stages in the religiousness changes in the population of Russia (1989–2006). *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4. pp. 78–88. (In Russian).
6. Frolova, K.S. & Orlova, A.V. (2014) Religiosity in the student's environment (the example of Kemerovo state university). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. pp. 106–110. (In Russian).
7. Idiatullov, A.K. (2014) Religiousness of the Karachay's students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 5. (In Russian).

Received: 05 May 2015